

Виктор Пелевин. Бубен верхнего мира

Войдя в тамбур, милиционер мельком глянул на Таню и Машу, перевел взгляд в угол и удивленно уставился на сидящую там женщину.

Женщина и вправду выглядела дико. По ее монголоидному лицу, похожему на загибающийся по краям трехдневный блин из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте - тем более что глаза женщины были скрыты кожаными ленточками и бисерными нитями. Несмотря на теплую погоду, на голове у нее была меховая шапка, по которой проходили три широких кожаных полосы - одна

охватывала лоб и затылок, и с нее на лицо, плечи и грудь свисали тесемки с привязанными к ним медными человечками, бубенцами и бляшками, а две других

скрещивались на макушке, где была укреплена грубо сделанная металлическая птица, задрывшая вверх длинную перекрученную шею.

Одета женщина была в широкую самотканую рубаху с тонкими полосами оленьего меха, расшитую кожаной тесьмой, блестящими пластинками и большим

количеством маленьких колокольчиков, издававших при каждом толчке вагона довольно приятный мелодичный звон. Кроме этого, к ее рубахе было прикреплено множество мелких предметов непонятного назначения - железные

зазубренные стрелки, два ордена "Знак Почета", кусочки жести с выбитыми на них лицами без ртов, а с правого плеча на георгиевской ленте свисали два длинных ржавых гвоздя. В руках женщина держала продолговатый кожаный бубен, тоже украшенный множеством колокольчиков, а край другого бубна торчал из вместительной теннисной сумки, на которой она сидела.

- Документы, - подвел итог милиционер.

Женщина никак не отреагировала на его слова.

- Она со мной едет, - вмешалась Таня. - А документов у нее нет. И по-русски она не понимает.

Таня говорила устало, как человек, которому по несколько раз в день приходится повторять одно и то же.

- Что значит документов нет?

- А зачем пожилая женщина должна возить с собой документы? У нее все бумаги в Москве, в министерстве культуры. Она здесь с фольклорным ансамблем.

- Почему вид такой? - спросил милиционер.

- Национальный костюм, - ответила Таня. - Она почетный оленевод. Ордена имеет. Вон, видите - справа от колокольчика.

- Тут вам не тундра. Это называется нарушение общественного порядка.

- Какого порядка? - повысила голос Таня. - Вы что охраняете? Лужи эти в тамбурах? Или их вон?

Она кивнула в сторону двери, из-за которой летели пьяные крики.

- В вагоне сидеть страшно, а вы, вместо того чтобы порядок навести, у старухи документы проверяете.

Милиционер с сомнением посмотрел на ту, кого Таня назвала старухой - она тихо сидела в углу тамбура, покачиваясь вместе с вагоном, и не обращала никакого внимания на скандал по ее поводу. Несмотря на странный вид, ее небольшая фигурка излучала такой покой и умиротворение, что, с

минуту поглядев на нее, лейтенант смягчился, улыбнулся чему-то далекому, и машинальные фрикции его левого кулака вдоль висящей на поясе дубинки затихли.

- Зовут-то как? - спросил он.

- Тыймы, - ответила Таня.

- Ладно, - сказал милиционер, толкая вбок тяжелую дверь вагона. - Смотрите только...

Дверь за ним закрылась, и летевшие из вагона вопли стали чуть тише. Электричка затормозила, и перед девушками на несколько сырых секунд возникла бугристая асфальтовая платформа, за которой стояли приземистые здания со множеством труб разной высоты и диаметра; некоторые из них слабо дымили.

- Станция Крематово, - сказал из динамика бесстрастный женский голос, когда двери захлопнулись, - следующая станция - Сорок третий километр.

- Наша? - спросила Таня. Маша кивнула и посмотрела на Тыймы, которая все так же безучастно сидела в углу.

- Давно она у тебя? - спросила она.

- Третий год, - ответила Таня.

- Тяжело с ней?

- Да нет, - сказала Таня, - она тихая. Вот так же и сидит все время на кухне. Телевизор смотрит.

- А гулять не ходит?

- Не, - сказала Таня, - не ходит. На балконе спит иногда.

- А самой ей тяжело? В смысле, в городе жить?

- Сперва тяжело было, - сказала Таня, - а потом пообвыклась. Сначала все в бубен била по ночам, с невидимым кем-то дралась. У нас в центре духов много. Теперь они ей вроде как служат. На плечо эти два гвоздя повесила, вон видишь? Всех победила. Только во время салюта до сих пор в ванной прячется.

Платформа "Сорок третий километр" вполне соответствовала своему названию. Обычно возле железнодорожных станций бывают хоть какие-то поселения людей, а здесь не было ничего, кроме кирпичной избушки кассы, и увязать это место можно было только с расстоянием до Москвы. Сразу за ограждением начинался лес и тянулся насколько хватало глаз - даже неясно было, откуда на платформе взялось несколько потертых пассажиров.

Маша, сгибаясь под тяжестью сумки, пошла вперед. Следом, с такой же сумкой на плече, пошла Таня, а последней поплелась Тыймы, позвякивая своими колокольчиками и поднимая подол рубахи, когда надо было перешагнуть

через лужу. На ногах у нее были синие китайские кеды, а на голеньях - широкие кожаные чулки, расшитые бисером. Несколько раз обернувшись, Маша

заметила, что к левому чулку Тыймы пришит круглый циферблат от будильника,

а к правому - болтающееся на унитазной цепочке копыто, которое почти волочилось по земле.

- Слышь, Тань, - тихо спросила она, - а что это у нее за копыто?

- Для нижнего мира, - сказала Таня. - Там все грязью покрыто. Это чтоб не увязнуть.

Маша хотела было спросить про циферблат, но передумала. От платформы

в лес вела хорошая асфальтовая дорога, вдоль которой росли два ровных ряда старых берез. Но через триста или четыреста метров всякий порядок в расположении деревьев пропал, потом незаметно сошел на нет асфальт, и под ногами зачавкала мокрая грязь.

Маша подумала, что жил когда-то на свете начальник, который велел проложить через лес асфальтовую дорогу, но потом выяснилось, что она никуда не ведет, и про нее забыли. Грустно было Маше глядеть на это, и собственная жизнь, начатая двадцать пять лет назад неведомой волей, вдруг показалась ей такой же точно дорогой - сначала прямой и ровной, обсаженной ровными рядами простых истин, а потом забытой неизвестным начальством и превратившейся в непонятно куда ведущую кривую тропу.

Впереди мелькнула привязанная к ветке березы белая тесемка. - Вот здесь, - сказала Маша, - направо в лес. Еще метров пятьсот.

- Что-то близко очень, - с сомнением сказала Таня. - Непонятно, как сохранился.

- А тут никто не ходит, - ответила Маша. - Там же нет ничего. И колючкой пол-леса отгорожено.

Действительно, скоро впереди появился невысокий бетонный столб, в обе стороны от которого уходила провисшая колючая проволока. Потом стали видны еще несколько столбов - они были старые и со всех сторон густо обросли кустами, так что заметить проволоку можно было только подойдя к ней вплотную. Девушки молча пошли вдоль проволочной ограды, пока Маша не остановилась возле очередной белой тесемки, свисающей с куста.

- Здесь, - сказала она.

Несколько рядов проволоки были задраны и перекручены между собой. Маша и Таня поднырнули под нее без труда, а Тыймы полезла почему-то задом, зацепилась рубашкой и долго звенела своими колокольчиками, ворочаясь в узком просвете.

За проволокой был такой же лес, как и до нее, и не было заметно никаких следов человеческой деятельности. Маша уверенно двинулась вперед и через несколько минут остановилась у оврага, на дне которого журчал небольшой ручей.

- Пришли, - сказала она, - вон в тех кустах.

Таня поглядела вниз.

- Не вижу.

- Вон хвост торчит, - показала Маша, - а вон крыло. Пошли, там спуск есть.

Тыймы вниз не пошла - она села на Танину сумку, прислонилась спиной к дереву и замерла. Маша с Таней, цепляясь за ветки и скользя по мокрой земле, спустились в овраг.

- Слышь, Тань, - тихо сказала Маша, - а ей что, посмотреть не надо? Как она будет-то?

- Это ты не волнуйся, - сказала Таня, вглядываясь в кусты, - она лучше нас знает... Действительно. И как только сохранился.

За кустами было что-то темное, грязно-бурое и очень старое. На первый взгляд это напоминало могильный холмик на месте погребения не очень значительного кочевого князя, в последний момент успевшего принять какое-то странное христианство: из длинного и узкого земляного выступа косо торчала широкая крестообразная конструкция из искореженного металла,

в которой с некоторым усилием можно было узнать полуразрушенный хвост самолета, при падении отвалившийся от фюзеляжа. Фюзеляж почти весь ушел в землю, а в нескольких метрах перед ним сквозь орешник и траву виднелись контуры отвалившихся крыльев, на одном из которых чернел расчищенный крест.

- Я по альбому смотрела, - нарушила молчание Маша, - вроде это штурмовик "Хейнкель". Там две модификации было - у одной тридцатимиллиметровая пушка под фюзеляжем, а у другой что-то еще. Не помню. Да и не важно.

- Кабину открывала? - спросила Таня.

- Нет, - сказала Маша. - Одной страшно было.

- Вдруг там нет никого?

- Да как же, - сказала Маша, - фонарь-то цел. Гляди. - Она шагнула вперед, отогнула несколько веток и ладонью отгребла слой многолетнего перегноя.

Таня наклонилась и приблизила лицо к стеклу. За ним виднелось что-то темное и, кажется, мокрое.

- А сколько их там было? - спросила она. - Если это "Хейнкель", то ведь и стрелок должен быть?

- Не знаю, - сказала Маша.

- Ладно, - сказала Таня, - Тыймы определит. Жаль, фонарь закрыт. Если бы хоть волос клочок или косточку, куда легче было бы.

- А так она не может?

- Может, - сказала Таня, - только дольше. Темнеет уже. Пошли ветки собирать.

- А на качество не влияет?

- Что значит "качество"? - спросила Таня. - Какое тут вообще бывает качество?

Костер разгорелся и давал уже больше света, чем закрытое низкими облаками вечернее небо. Маша заметила, что у нее появилась нетерпеливо приплясывающая на траве длинная тень, и ей стало немного не по себе - тень явно чувствовала себя уверенней, чем она. Маша ощущала, что в своем городском платье она выглядит глупо, зато наряд Тыймы, на который весь день с недоумением пялились встречные, в прыгающем свете костра стал казаться самой удобной и естественной для человека одеждой.

- Ну что, - сказала Таня, - скоро начнем.

- А чего ждем-то? - шепотом спросила Маша.

- Не торопись, - так же тихо ответила Таня, - она сама знает, когда и что. Ничего ей говорить сейчас не надо.

Маша села на землю рядом с подругой.

- Жуть берет, - сказала она и потеряла ладонью то место на куртке, за которым было сердце. - А сколько ждать?

- Не знаю. Всегда по-разному бывает. Вот в прошлом году... - Маша вздрогнула. Над поляной пронесся сухой удар бубна, сменившийся звоном множества колокольчиков.

Тыймы стояла на ногах, нагнувшись вперед, и вглядывалась в кусты на краю оврага. Еще раз ударив в бубен, она два раза, перемещаясь против часовой стрелки, обежала поляну, с удивительной легкостью перепрыгнула стену кустов и исчезла в овраге. Снизу донесся ее жалобный и полный боли

крик, и Маша решила, что Тыймы сломала себе ногу, но Таня успокаивающе прикрыла глаза.

Из оврага понеслись частые удары бубна и быстрое бормотание. Потом стало тихо, и Тыймы появилась из кустов. Теперь она двигалась медленно и церемониально; дойдя до центра поляны, она остановилась, подняла руки и стала ритмично постукивать в бубен. Маша на всякий случай закрыла глаза.

К ударам бубна вскоре добавился новый звук - Маша не заметила момента, когда он появился, и сначала не поняла, что это. Сначала ей показалось, что рядом играет неизвестный смычковый инструмент, а потом она поняла, что эту пронзительную и мрачную ноту выводит голос Тыймы.

Казалось, этот голос возникал в совершенно особом пространстве, которое он сам создавал и по которому перемещался, наталкиваясь на множество объектов неясной природы, каждый из которых заставлял Тыймы издать несколько резких гортанных звуков. Отчего-то Маша представила себе сеть, которая волочится по дну темного омута, собирая все, что попадаете навстречу. Вдруг голос Тыймы за что-то зацепился - Маша почувствовала, что она пытается освободиться, но не может.

Маша открыла глаза. Тыймы стояла недалеко от костра и пыталась вытащить свою кисть из пустоты. Она изо всех сил дергала рукой, но пустота не поддавалась.

- Нилти доглонг, - угрожающе сказала Тыймы, - нилти джамай!

У Маши возникло ясное ощущение, что пустота перед Тыймы сказала что-то в ответ.

Тыймы засмеялась и встряхнула бубном.

- Nein, Herr General, - сказала она, - das hat mit Ihnen gar nicht zu tun. Ich bin hier wegen ganz anderer Angelegenheit.

Пустота что-то спросила, и Тыймы отрицательно покачала головой.

- Она что, по-немецки говорит? - спросила Маша.

- Когда камлает, говорит, - сказала Таня. - Она тогда по-любому может.

Тыймы еще раз попыталась выдернуть руку.

- Heute ist schon zu spat, Herr General. Verzeirheng, ich hab es sehz eilig, - раздраженно бросила она.

На этот раз Маша почувствовала исшедшую из пустоты угрозу.

- Wozu? - презрительно крикнула Тыймы, сорвала с плеча георгиевскую ленту с двумя ржавыми гвоздями и раскрутила ее над головой. - Нилти джамай! Бляй будулан!

Пустота отпустила ее руку с такой быстротой, что Тыймы повалилась в траву. Упав, она засмеялась, повернулась к Тане с Машей и отрицательно покачала головой.

- Что такое? - спросила Маша.

- Плохо дело, - сказала Таня. - В нижнем мире твоего клиента нет.

- А может, она не до конца досмотрела? - спросила Маша.

- А какой там, по-твоему, конец? Там никакого конца нет. И начала тоже.

- Что же делать теперь?

- Можно в верхнем посмотреть, - сказала Таня, - только шансов мало.

Ни разу не получалось еще. Но попробовать, конечно, можно.

Она повернулась к Тыймы, которая по-прежнему сидела на траве, и ткнула пальцем вверх. Тыймы кивнула, подошла к лежащей у дерева теннисной

сумке и вынула оттуда другой бубен. Потом она достала банку кока-колы и, потряхнув головой, сделала несколько глотков, чем-то напомнив Маше Мартину Навратилову на Уимблдонском корте.

Бубен верхнего мира звучал иначе: тише и как-то задумчивей. Голос Тыймы, взявший длинную заунывную ноту, тоже изменился и вместо страха вызвал у Маши умиротворение и легкую грусть. Повторялось то же самое, что и несколько минут назад, только теперь происходящее было не жутким, а возвышенным и неуместным - потому неуместным, что даже Маша поняла: совершенно незачем тревожить те области мира, к которым обращалась Тыймы, подняв лицо к темному небу в просветах между ветвями и легонько постукивая в свой бубен.

Маше вспомнила старый мультфильм про похождения маленького серого волка в каких-то очень тесных, густо и мрачно размалеванных подмосковных пространствах; в мультфильме все это иногда исчезало и непонятно откуда появлялся залитый полуденным солнцем простор, почти прозрачный, где по бледной акварельной дороге шел вдаль еле прорисованный перышком странник.

Маша потрясла головой, чтобы прийти в себя, и огляделась. Ей показалось, что составные части окружающего - все эти кусты и деревья, травы и темные облака, только что плотно смыкавшиеся друг с другом, - раздвинулись под ударами бубна, и в просветах между ними открылся на секунду странный, светлый и незнакомый мир.

Голос Тыймы на что-то наткнулся, попытался пройти дальше, не смог и застыл на одной напряженной ноте.

Таня дернула Машу за руку.

- Ты смотри, есть, - сказала она, - нашли. Сейчас подсчет... - Тыймы воздела руки вверх, пронзительно крикнула и повалилась в траву.

До Маши донесся далекий гул самолета. Он приходил непонятно откуда и звучал долго, а когда затих, в овраге раздались целая серия звуков: стук в стекло, лязганье ржавого железа и тихий, но отчетливый мужской кашель.

Таня встала, сделала несколько шагов в сторону оврага, и тут Маша заметила стоящую на краю поляны темную фигуру.

- Шпрехен зи дойч? - хрипло проговорила Таня.

Фигура молча двинулась к огню.

- Шпрехен зи дойч? - пяясь, повторила Таня, - глухой, что ли?

Красноватый свет костра упал на крепкого мужика лет сорока в кожаной куртке и летном шлеме. Подойдя, он сел напротив хихикнувшей Тыймы, скрестил ноги и поднял глаза на Таню.

- Шпрехен зи дойч?

- Да брось ты, - спокойно сказал мужик, - заладила.

Таня разочарованно присвистнула.

- Кто будете? - спросила она. - Я-то? Майор Звягинцев. Николай Иванович. А вы вот кто?

Маша с Таней переглянулись.

- Непонятно, - сказала Таня, - какой еще майор Звягинцев, если самолет немецкий?

- Самолет трофейный, - сказал майор. - Я его на другой аэродром перегонял, а тут...

Лицо майора Звягинцева перекопилось - было видно, что он вспомнил

что-то до крайности неприятное.

- Так вы что, - спросила Таня, - советский?

- Да как сказать, - ответил майор Звягинцев, - был советский, а сейчас не знаю даже. У нас там все иначе.

Он поднял взгляд на Машу; та отчего-то смутилась и отвела глаза.

- А вот вы здесь к чему, девушки? - спросил он. - Ведь пути живых и мертвых различны. Или не так?

- Ой, - сказала Таня, - извините пожалуйста. Мы советских не тревожим. Это из-за самолета так вышло. Мы думали, там немец.

- А немец вам зачем?

Маша подняла глаза и поглядела на майора. У него было широкое спокойное лицо, слегка курносый нос и многодневная щетина на щеках. Такие лица нравились Маше - правда, майора немного портила пулевая дырка на левой скуле, но Маша уже давно решила, что совершенства в мире нет, и не искала его в людях, а тем более в их внешности.

- Да понимаете, - сказала Таня, - сейчас ведь время такое, каждый прирабатывает как может. Ну и мы вот с ней... - Она кивнула на безучастную Тыймы. - Короче, работа у нас такая. Сейчас ведь все отсюда валят. За фирму замуж выйти - это четыре косаря зеленых. А мы в среднем за пятьсот делаем.

- Что же, с усопшими? - недоверчиво спросил майор.

- Да подумаешь. Гражданство-то остается. Мы с таким условием оживляем, чтоб женился. Обычно немцы бывают. Немецкий труп у нас примерно как живой негр из Зимбабве идет или русскоязычный еврей без визы. Лучше всего, конечно, - испанец из "Голубой дивизии", но это дорогой покойник. Редкий. Ну и итальянцы еще есть, финны. А румын с венграми даже и не трогаем.

- Вот оно что, - сказал майор. - А долго они потом живут?

- Да года три, - сказала Таня.

- Мало, - сказал майор. - Не жалко их?

На минуту Таня задумалась, ее красивое лицо стало совсем серьезным, и между бровями наметилась глубокая складка. Наступила тишина, которую нарушало только потрескивание сучьев в костре да тихий шелест листьев.

- Строгий вопрос, - сказала она наконец. - Вы как, всерьез спрашиваете?

- На всю катушку. - Таня подумала еще чуть-чуть. - Я так слышала, - заговорила она, - есть закон земли и есть закон неба. Проявишь на земле небесную силу, и все твари придут в движение, а невидимые - проявятся. Внутренней основы у них нет, и по природе они всего лишь временное сгущение тьмы. Поэтому и недолго остаются в круговороте превращений. А в глубинной сути своей пустотны, оттого не жалею.

- Так и есть, - сказал майор. - Крепко понимаешь.

Морщинка между таниных бровей разгладилась.

- А вообще, если честно - работы столько, что и думать некогда. За месяц обычно штук десять делаем, зимой меньше. На Тыймы в Москве очередь

на два года вперед.

- А эти, которых вы оживляете, они что, всегда соглашаются?

- Почти, - сказала Таня. - Там же тоска страшная. Темно, тесно,

благодати нет. Скрежет. Правда, как у вас, не знаю, из верхнего мира у нас еще клиента не было. Но, конечно, и внизу все мертвецы разные. Год назад под Харьковом такое было - жуть. Танкист один из "Мертвой головы" попался. Одели мы его, значит, помыли, побрили, объяснили все. Вроде согласился. Невеста у него хорошая была, Марина с журфака. Сейчас за японского морячка вроде пристроили... Господи, видели б вы, как они всплывают... Как вспомню... Про что это я говорила?

- Про танкиста, - сказал майор.

- А, ну да. Короче, мы ему денег дали немного, чтоб человеком себя почувствовал. Он, понятно, пить начал, сначала они все пьют. И тут в какой-то палатке ему водку не продали. Рубли попросили. А у него только купоны были и марки оккупационные. Так он им сначала из парабеллума витрину разнес, а ночью на "тигре" приехал и все ларьки перед вокзалом утрамбовал. С тех пор танк этот часто по ночам видят. Так и ездит по Харькову, коммерческие палатки давит. А днем исчезает. Куда - непонятно.

- Бывает такое, - сказал майор, - в мире много странного.

- С тех пор мы только по вермахту работать стали. А с СС никаких дел. Они все двинутые какие-то. То сельсовет захватят, то петь начнут. А жениться не хотят, устав запрещает.

Над поляной пронесся сильный порыв холодного ветра. Маша оторвала замороженный взгляд от майора Звягинцева и увидела, как из трех ответвлений стоявшего на краю поляны дерева вышли три прозрачных человека

неопределенного вида. Тыймы испуганно вскрикнула и мгновенно забилась Тане за спину.

- Ну вот, - пробормотала Таня, - начинается. Да не бойся ты, дуреха старая, не тронут.

Она встала и пошла навстречу прозрачным людям, издав им успокаивающие жесты, совсем как нарушивший правила водитель остановившему его инспектору. Тыймы сжалась в комок, вдавила голову в колени и мелко затряслась. Маша на всякий случай подвинулась ближе к костру и вдруг всем телом почувствовала обращенный на нее взгляд майора Звягинцева. Она подняла глаза. Майор печально улыбнулся.

- Красивая вы, Маша, - тихо сказал он. - Я ведь, когда Тыймы ваша звать меня стала, в саду работал. Звала она, звала, надоела страшно. Хотел уж вас всех шугануть, выглянул, значит, и тут вас увидел, Маша. И так вы меня поразили, слов не найду. В школе у меня подруга была похожая, Варей звали. Такая же, как вы, была, и тоже нос в веснушках. Только волосы длинные носила. Любил я ее. Если б не вы, Маша, я бы сюда пришел разве?

- А у вас там что, сад есть? - чуть покраснев, спросила Маша.

- Есть.

- А как это место называется, где вы живете?

- У нас никаких названий нет, - сказал майор. - Поэтому и живем в покое и радости.

- А как там у вас вообще?

- Нормально, - сказал майор и опять улыбнулся.

- Что, - спросила Маша, - и вещи есть, как у людей?

- Как вам сказать, Маша. С одной стороны как бы есть, а с другой -

как бы нет. В общем, все такое приблизительное, расплывчатое. Но это только если вдуматься.

- А где вы живете?

- У меня там как бы домик с участком. Тихо так, хорошо.

- А машина есть? - спросила Маша и сразу же смутилась, таким глупым показался ей собственный вопрос.

- Если захочется, бывает. Отчего не быть.

- А какая?

- Когда как, - сказал майор. - И печь бывает микроволновая, и это... машина стиральная. Стирать только нечего. И телевизор цветной бывает. Правда, канал всего один, но все ваши в нем есть.

- Телевизор тоже когда какой?

- Да, - сказал майор. - Когда "Панасоник" бывает, когда "Шиваки". А как припомнишь - глядь, и нет ничего. Только пар зыбкий клубится... Да я же говорю, все как у вас. Единственно, названий нет. Безымянно все. И чем выше, тем безымянней.

Маша не нашлась, что еще спросить, и замолчала, обдумывая последние слова майора. Таня тем временем что-то горячо доказывала трем прозрачным людям:

- А я вам еще раз говорю, что она от грома шаманит, - долетал ее голос, - все по закону. Ее в детстве молнией ударило, а потом ей дух грома кусочек жести подарил, чтоб она себе козырек сделала... А чего это я вам предъявлять буду? Почему она с собой носить должна? Никогда таких проблем не возникало... Постыдились бы к старой женщине придирааться. Лучше бы в Москве с народными целителями порядок навели. Такая чернуха прет - жить страшно, а вы к старухе... И пожалуюсь...

Маша почувствовала, как майор прикоснулся к ее локтю.

- Маша, - сказал он, - я пойду сейчас. Хочу тебе одну вещь подарить на память.

Маша заметила, что майор перешел на "ты", и ей это понравилось.

- Что это? - спросила она.

- Дудочка, - сказал майор. - Из камыша. Ты, как от этой жизни устанешь, так приходи к моему самолету. Поиграешь, я к тебе и выйду.

- А в гости к вам можно будет? - спросила Маша.

- Можно, - сказал майор. - Клубники поешь. Знаешь, какая у меня там клубника.

Он поднялся на ноги.

- Так придешь? - спросил он. - Я ждать буду.

Маша еле заметно кивнула.

- А как же вы... Вы ведь живой теперь?

Майор пожал плечами, вынул из кармана кожаной куртки ржавый ТТ и приставил к уху.

Грохнул выстрел. Таня обернулась и в страхе уставилась на майора, который пошатнулся, но удержался на ногах. Тыймы подняла голову и захихикала. Опять подул холодный ветер, и Маша увидела, что никаких прозрачных людей на краю поляны больше нет.

- Буду ждать, - повторил майор Звягинцев и, покачиваясь, пошел к оврагу, над которым разлилось еле видимое радужное сияние. Через несколько шагов его фигура растворилась в темноте, как кусок рафинада в стакане горячего чая.

Маша глядела в окно тамбура на проносящиеся мимо огороды и домики и тихо плакала.

- Ну чего ты, Маш, чего? - говорила Таня, заглядывая подруге в заплаканное лицо. - Плюнь, бывает такое. Хочешь, поедем с девками под Архангельск. Там в болоте Б-29 лежит американский, "Летающая крепость". Одиннадцать человек, всем хватит. Поедешь?

- А когда вы ехать хотите? - спросила Маша.

- После пятнадцатого. Ты, кстати, пятнадцатого приходи к нам на праздник чистого чума. Придешь? Тыймы мухоморов засушила. На бубне верхнего мира тебе постучим, раз уж понравилось так. Слышь, Тыймы, правда здорово будет, если Маша к нам в гости придет?

Тыймы подняла лицо и широко улыбнулась в ответ, показывая коричневые осколки зубов, в разные стороны торчащие из десен. Улыбка вышла жуткая, потому что глаза Тыймы были скрыты свисающими с шапки кожаными ленточками

и казалось, что она улыбается одним только ртом, а ее невидимый взгляд остается холодным и внимательным.

- Не бойся, - сказала Таня, - она добрая.

Но Маша уже смотрела в окно, сжимая в кармане подаренную майором Звягинцевым камышовую дудочку, и напряженно о чем-то думала.